

## Права и свободы советских граждан в восприятии американцев в конце Второй мировой войны

*О. В. Рычкова*

В статье рассматривается эволюция общественного мнения США в отношении прав и свобод советских граждан, связанная с союзническими отношениями СССР и США в годы Второй мировой войны.

**Ключевые слова:** Советская Конституция, советская политическая система, свобода, политические, экономические, социальные права граждан, Вторая мировая война.

### **Rights and Freedoms of Soviet Citizens in the Perception of the Americans at the End of the World War**

*O. V. Rychkova*

The evolution of social opinion in the USA towards rights and freedoms of Soviet people, which was connected with allied relations in the years of the World War II is studied in the article.

**Key words:** Soviet Constitution, Soviet political system, freedom, political, economic and social rights of citizens, the World War II.

Всё более очевидное окончание Второй мировой войны имело своим результатом смещение интереса американского общественного мнения с проблем исключительно военного характера в сторону вопросов, связанных с послевоенным устройством не только побеждённых стран, но и всей мировой системы. В связи с этим вполне объясним интерес, проявляемый американцами в конце войны к Советскому Союзу как важнейшему субъекту послевоенных международных отношений. Естественно, что формирование образа СССР зависело от оценивания особой политико-идеологической системы, существующей в России.

Тема американского восприятия советских прав и свобод крайне сложна и противоречива. Эта неоднозначность в конце войны была не только следствием отсутствия точных сведений о Советском Союзе, неясности послевоенных перспектив, но и объяснялась традиционными для американцев положениями исключительности, превосходства, предназначения. Сама установка на «американскую исключительность» порождала особый ментальный климат в стране, отрицавший существование какого-либо другого мирового авторитета в вопросах прав, свобод и демократии и влиявший на восприятие Советского Союза. Осмысление специфики прав и свобод советских граждан, их содержания и масштабности, таким образом, стали естественной реакцией американского общественного мнения на факторы объективного исторического характера.

Обращаясь к проблеме восприятия американцами советского политического строя, следует привести сведения, представленные по итогам

опросов общественного мнения на страницах журнала «Паблик Опинион Квотерли». Респондентам был предложен вопрос: «Как Вы считаете, люди в России могут владеть на правах частной собственности домами, автомобилями или любыми суммами денег, которые они могут использовать на личные нужды?» [1] При анализе ответов были получены следующие данные:

- |           |     |
|-----------|-----|
| – Да      | 30% |
| – Нет     | 21% |
| – Не знаю | 49% |

Этот опрос является очень показательным: подавляющее большинство рядовых американцев были крайне слабо и/или неверно информированы относительно основных параметров советской системы. Это подтверждают и архивные данные. Как свидетельствуют записи интервью представителей Всероссийского общества культурных связей с заграницей с редактором журнала «Совет Раша Тудей» Джессикой Смит, обе стороны признали необходимость более полной информированности американцев о советской жизни [2]. Не случайно по этому вопросу было принято постановление ЦК ВКП (б) об издании в США серии брошюр и проведении радиопередач о Советском Союзе на темы «Собственность в СССР», «Культура в СССР», «Интеллигенция в СССР» и т. д. [3].

Важно отметить, что в годы Второй мировой войны со страниц американской прессы практически исчезли материалы, посвящённые религии в СССР и деятельности НКВД. Если принять во внимание пристальное внимание американцев к этим проблемам в довоенные годы, то напрашивается следующий вывод: значение военного

союза было так велико, что Америка закрыла глаза на те стороны гражданско-правовой проблематики советского строя, которые накануне войны являлись объектом острой критики.

Однако полностью игнорировать советскую систему правовых норм и демократических ценностей американская пресса не могла и не хотела, и в этом отношении важнейшее значение приобретала дискуссия о наличии свободы в Советском Союзе как таковой.

Особенность американского общественного менталитета, названная Г. Гачевым «национальной логикой», заключается в наличии такого фундаментального для американцев понятия, как свобода. Поэтому естественно, что всё, что касалось понятия «свобода» во всех его смыслах, находилось в центре внимания. В этой области американцы были наиболее щепетильны. Так, в восприятии общественным мнением советских свобод выделяются два вида оценок. Первая из них связана с признанием наличия и широкого распространения в Советском Союзе гражданских свобод.

В книге известного публициста Ч. Сили, например, отмечалось, что «российская политическая система не препятствует свободе... И конечно, нет абсолютно никакой причины полагать, что социализм или правительство ликвидировали все свободы российских людей. Наоборот, русские, несомненно, наслаждаются значительно большей свободой теперь, чем когда-либо при Царе» [5].

Сили отмечал различия в понимании и интерпретации советскими и американскими людьми самого термина «свобода»: «...свобода в России есть, но это – не тот же самый вид свободы, которую мы имеем в Соединенных Штатах... Русские измеряют свободу в других критериях, отличных от наших». По мнению Сили, свобода русских – это свобода:

- «от любого беспокойства и опасения относительно старости»;
- «от беспокойства и опасения по поводу потери рабочих мест»;
- «от беспокойства о медицинских счетах и от других финансовых проблем»;
- «от любого беспокойства об образовании детей»;
- «от любого беспокойства и опасения по поводу загробной жизни» [6].

В качестве производной от этих свобод, «конструктивного духа» и «социального возбуждения» в Советском Союзе, по мнению П. Кота,

выработалась «экстраординарная живучесть». В числе важнейших положительных элементов советской системы журналист отмечает, во-первых, практику государственного планирования, которая обеспечивает рациональное использование всех сил производства, и, во-вторых, сам характер социального режима. Кот приводит следующий очень показательный и поучительный, по его мнению, пример: «Можно было предположить, что в бюджете 1944 года все средства, кроме тех, что предназначены для финансирования войны, будут направляться на реконструкцию фабрик и колхозов; фактически ассигнования на восстановление экономической жизни составляют 48 миллиардов рублей, а расходы на социальную работу и культурное развитие – 54 миллиарда. Это – один из многих уроков, которые Советский Союз может преподать нам» [7].

Декларирование повышенного внимания советской власти к социальной сфере, доступность и масштабность многих социальных прав советских граждан естественным образом вызвали положительные отзывы американской прессы. Во многом вторя Ч. Сили, Дж. Дэвис со страниц «Нью Рипаблик» отмечает, что «бюджет в этом году призывает к выделению 51 миллиарда рублей на социальную и культурную работу – гораздо больше, чем для экономического развития» [8]. Несмотря на разночтения в цифрах, необходимо суммировать следующее: практичным американцам достаточно сложно было понять, как в условиях полной разрухи советское правительство может выделять такие суммы на социальные программы. Тем не менее, именно эта ситуация стала отправной точкой для формирования устойчивых симпатий к советской политической системе.

Этот же автор, продолжая рассказ о Советском Союзе, отмечает следующее: «В течение года она [Россия. – О. Р.] восстановила и открыла 1365 школ, 6 учреждений высшего образования, 27 технических училищ, 28 детских домов, 302 детских сада, 159 больниц, 408 амбулаторий, 13 дворцов культуры, больше 500 поселковых и сельских клубов, 200 библиотек, не считая тысячи деревенских читальных залов...» [9].

Важнейшей областью внутривнутриполитического развития СССР, послужившей объектом пристального внимания американцев, стал рабочий вопрос. Практически все стороны этой проблемы позитивно оценивались многими публицистами Америки. Уже само декларирование Конституцией права на труд рассматривалось американцами

не как «набожное желание», но как «гарантия социалистического общества». Это право, по мнению авторов передовой статьи в «Нью Мэссэз», было обеспечено особой «социалистической организацией народного хозяйства, отрицающей возможности экономических кризисов и безработицу» [10]. В качестве примера при характеристике состояния проблемы занятости журнал обращается к предвоенной истории СССР и делает следующий вывод: «...социализм демонстрирует, что не требуется война для обеспечения полной занятости населения» [11].

Выходец из России, известный публицист А. Соколов отмечает, что «советская политическая система, которая базируется на экономических достижениях социализма, не только формально признает демократические права граждан, но также обеспечивает материальные возможности для реализации этих прав, гарантируя право на работу, свободу от эксплуатации, от национального и расового неравенства и т. д.» [12]. С известным позитивом американцы рассматривали и наличие системы социального обеспечения для советских рабочих (медицина, образование, отдых, жилье и т. д.) [13].

Важным элементом советской политической системы, по мнению И. Бранта, являлась экономическая свобода. Оценивая СССР как «полностью установившуюся социалистическую систему», публицист отмечает, что эта система «исключает частную и расовую экономическую конкуренцию и превращает индивидуальную конкуренцию в соревнование за место в организованной государственной экономике» [14]. «Американский опыт» наоборот, по мнению Бранта, основывается на конкурентоспособном капитализме, который, в свою очередь, порождает «интенсивную частную ревность», что в конечном итоге регулярно приводит к федеральным судам [15].

Редакторы «Нью Рипаблик» также признавали в качестве несомненного достижения советской политической системы рост материального благосостояния и культурного уровня рабочих масс. Они отмечали, что именно «преимущества советской системы» позволили Советскому Союзу «преодолеть столетия экономической и технической отсталости и кое в чем в десятки раз превзойти развитые капиталистические страны» [16].

В этом плане основой и гарантом всех свобод, по мнению некоторых авторов, выступала Советская Конституция – олицетворение демократии. Как пишет публицист Е. Стивенс, «содержание и цель Конституции, с ее универсальным избира-

тельным правом для всех граждан, достигших восемнадцатилетнего возраста, с тайным избирательным бюллетенем, свободой слова, свободой печати, свободой совести и другими особенностями, позволили декларировать советскую Конституцию как “самую демократичную конституцию в мире”» [17].

Факт успешного решения широкого спектра социальных вопросов был вынужден частично признать даже последовательный антисоветчик Уильям Буллит, отмечавший, что «в тоталитаризме и жестокости советского режима имелось ядро идеализма» [18].

Другой подход к восприятию американцами советских свобод отражает противоположную тенденцию: он исходит из того, что само понятие «свобода» никоим образом не может использоваться по отношению к Советскому Союзу. «Российские методы зачастую безжалостны: как в фашистских государствах, многие демократические элементы здесь подавлены или уничтожены» [19].

В этом плане крайне негативная характеристика советской политической системы представлена в статье известного американского радикала Макса Истмена, опубликованной в «Америкэн Мэркури» летом 1944 г. Публицист пишет, что положения вроде тех, что запечатлены в “*Nabeas corpus act*”, Великой хартии вольностей, Билле о правах, Декларации Независимости – «всё, что подразумевается, когда речь идёт о Правах Человека», – всё это отсутствует в таких странах, как Германия, Испания и СССР. Суммируя свои оценки советского строя, Истмен использует определение «индустриальный феодализм». В качестве обоснования своей позиции автор приводит следующий довод: «Рабочие, так же, как и крестьяне, – рабы, в сущности. В истории крепостничества в его ранних формах сложно найти более суровые законы, чем те, что привязывают советского рабочего и крестьянина к государству» [20].

В соответствии с наблюдениями Истмена, «несмотря на статьи Конституции 1936 г., в России нет никакой свободы слова (если речь идёт не о сторонниках Сталина), никакой свободы печати или собраний. Каждый знает, что выборы – фарс; никакие кандидатуры не возможны, если они не разделяют цели проводимой политики... Свобода передвижения серьёзно ограничена...

Зато есть произвольный арест; есть длительное заключение без суда. Трудно получить иностранную литературу, особенно газеты.... Есть

строгая цензура иностранных журналистов. Граждане не могут путешествовать за границей без разрешения правительства. Есть широкий диапазон политических преступлений, которые содержатся в тайне; нет никакого права на вызов в суд свидетелей, нет права на профессиональную защиту» [21].

Тем не менее, Истмен вынужден фиксировать и некоторые положительные элементы советской системы. Во-первых, он подчёркивает эффективное решение рабочего вопроса (прежде всего относительно здоровья и безопасности рабочих), а во-вторых, высокие образовательные возможности СССР, которые, по мнению публициста, лучше, чем в любой другой стране мира [22].

М. Ласерсон, известный американский публицист, говоря о Советской Конституции, отмечал, что важнейшую роль в реализации заявленных в главном документе СССР принципов и прав имеет всестороннее сотрудничество с Америкой; именно это, по мнению автора, помогает ослабить тоталитарные методы советского руководства [23].

Ещё одним аспектом американского общественного мнения было определение текущих и перспективных целей и задач советской социально-политической системы. Наиболее полный анализ этого вопроса представил Чарльз Сили. По его мнению, советская государственно-политическая система нацелена прежде всего на решение комплекса внутривнутриполитических задач, связанного с широкими гражданскими правами и свободами. Основные цели, стоящие перед Москвой, по мнению автора, таковы:

- запрет на эксплуатацию людей;
- социальное обеспечение;
- универсальное образование;
- устойчивая занятость, прожиточный минимум, гарантируемый правительством, для всех мужчин между восемнадцатью и пятьюдесятью годами возраста и для всех женщин между восемнадцатью и сорока пятью годами;
- бесплатная медицинская помощь;
- государственная собственность на основные природные ресурсы, включая землю, полезные ископаемые, древесину, водные ресурсы и т. д.;
- государственная собственность на главные средства производства и распределения;
- полная политическая, социальная и экономическая свободы женщин;
- правительственная забота о детях;

– полное отделение религии от политики, экономики, социальной жизни, образования и т. д.;

– дружественные отношения между всеми народами;

– постепенное становление бесклассового общества;

– конечная цель состоит в том, чтобы установить истинную демократию, где все люди свободны и равны и где есть полная свобода от нужды и страхов [24].

Несмотря на указанные выше разноплановые интерпретации терминов «свобода» и «права» в их применении к советскому строю, в практическом плане на завершающем этапе войны по-прежнему доминировала установка, основанная на существовании коалиции, общности военных целей и задач. Как отмечал в журнале «Америкэн Мэркури» обладатель Нобелевской премии мира Норманн Анджелл, «сегодня капиталистическая Великобритания и Соединённые Штаты используют все свои силы для того, чтобы помочь коммунистической России; коммунистическая Россия задействовала все свои ресурсы для того, чтобы защитить “свободы” Великобритании и Америки...» [25]. Факт существования такой ситуации был очевидным для многих американцев доказательством того, что цели военно-политического сотрудничества стоят выше различий в экономической и социальной областях.

Более того, логика войны и общность целей потребовала некоторого оправдания предвоенных, весьма жёстких оценок состояния прав и свобод советских граждан. Так, по мнению упомянутого Ч. Сили, «Россия в течение последних лет иногда классифицировалась как демократия, подобная нашей, но намного чаще как жестокая и порочная диктатура. Ни та, ни другая идея в корне не правильны. Россия – не демократия подобно нашей, и я никогда не находил никого в Москве или где-нибудь еще в России, кто бы заявил, что политическая система России похожа на нашу. С одной стороны, Россия не имеет трех независимых ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, – которые мы рассматриваем существенными особенностями современных демократических государств. В России вся власть объединяется в одних руках. Однако социально-экономическая система России кажется более демократичной, чем наша» [26].

Отчасти концепция Сили разделялась редакторами журнала «Лайф», которые, отмечая, что Советский Союз – проблема номер один для

Америки в силу потенциальных возможностей бросить вызов американским концепциям свободы, правосудия и благополучия, подчёркивали многогранность самих терминов «демократия» и «свобода». Именно в силу разночтений, в силу «собственных традиций» американцы желают «защищать демократические стандарты во всем мире в собственной трактовке». Им [американцам. – О. Р.] не нравятся российские учреждения и российские стандарты «демократии» [27]. Эти же авторы пишут о том, что «русские используют демократические понятия, чтобы прикрыть тоталитарные методы». По их мнению, суммарная оценка советского режима должна включать как элементы «диктатуры», так и элементы «демократии» [28].

Интонации умеренной критики в адрес привычки американцев оценивать государственно-политические институты других народов с позиции собственных конституционных принципов прозвучали в январе 1945 г. со страниц «Нью Рипаблик». Автор Вера М. Дин, известный специалист по советско-американским отношениям, с огорчением писала о том, что «Соединённые Штаты руководствуются исключительно своими идеалистическими соображениями, что вступает в противоречие с несопадающими доводами других наций» [29].

Таким образом, оценки советских прав и свобод в американском общественном мнении в конце войны, оформляясь под воздействием разнообразных, порой противоречивых оценок и суждений, имели довольно расплывчатый, фрагментарный характер. Тем не менее, основные элементы образа СССР проступали достаточно отчётливо, композиционно и содержательно предвосхищая подходы, характерные для более поздней эпохи. Несмотря на очевидные попытки выделить в социально-политическом строе своего союзника черты позитивные и привлекательные, образ тоталитарной диктатуры в американском общественном сознании так до конца и не был преодолён.

### Примечания

1. Walsh W. B. What The American People Think of Russia // *Public Opinion Quarterly*. Winter 1944–1945. Vol. 8. № 4. P. 514.
2. РГАСПИ. – Ф. 17. – О. 125. – Д. 316. – Л. 72–80.
3. РГАСПИ. – Ф. 17. – О. 125. – Д. 316. – Л. 13.
4. Gachev G. National Images of the World (American-Russian Comparisons) // *Национальные образы мира*. М., 1998. С. 412.

5. Seely Ch. S. *Russia and the Battle of Liberation*. Philadelphia, 1945. P. 37.
6. Ibid. P. 73.
7. Cot P. *Russia's Resurrection* // *Nation*. 1944. October. Vol. 159. № 15. P. 409.
8. Davis J. *Russia Rebuilds* // *New Republic*. 1944. November 6. Vol. 110. № 19. P. 591.
9. Ibidem.
10. *Speaking of Socialism* // *New Masses*. 1945. October 2. Vol. 57. № 1. P. 31.
11. Ibidem.
12. Sokolov A. *Europe's New Democratic* // *New Masses*. 1945. December 18. Vol. 57. № 12. P. 116-17.
13. *The Russian Can Manage* // *Fortune*. 1945. January. Vol. 31. № 1. P. 160.
14. Brant I. *The New Russian Enigma* // *New Republic*. 1944. February 28. Vol. 110. № 19. P. 272.
15. Ibidem.
16. *Marxism in Russia* // *New Republic*. 1944. April 17. Vol. 110. № 16. P. 521.
17. Stevens E. *Russia is No Riddle*. N.Y., 1945. P. 175.
18. Henderson L. W. *A Question of Trust. The Origins of U. S. – Soviet Diplomatic Relations*. Stanford, 1986. P. 106.
19. Kirchwey F. *Russia and the West* // *Nation*. 1945. June 23. Vol. 160. № 25. P. 686.
20. Eastman M. *The Gamblers With Liberty* // *American Mercury*. 1944. July. Vol. 59. № 247. P. 44.
21. Eastman M. *The Gamblers With Liberty* // *American Mercury*. 1944. July. Vol. 59. № 247. P. 46.
22. Ibid. P. 47.
23. Laserson M. *Russia and the Western World*. N.Y., 1945. P. 73–75.
24. Seely Ch. S. Op. cit. P. 88.
25. Angell N. *Peace and the Common Man* // *American Mercury*. 1944. November. Vol. 59. № 251. P. 526.
26. Seely Ch. S. Op. cit. P. 34.
27. *America and Russia* // *Life*. 1945. July 30. Vol. 19. № 5. P. 20.
28. Ibidem
29. Dean V. M. *What Do We Want in Europe?* // *New Republic*. 1945. January 29. Vol. 112. № 3. P. 141.